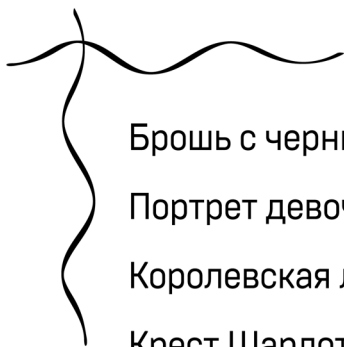

вечерний детектив

Читайте
остросюжетные романы
Елены ДОРОШ
в серии «ВЕЧЕРНИЙ ДЕТЕКТИВ»:

Брошь с черным опалом

Портрет девочки в шляпе

Королевская лилия

Крест Шарлотты

Елена
ДОРОШ

Крест
Шарлотты

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д69

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *С. Курбатова*

Дорош, Елена.

Д69 Крест Шарлотты : [роман] / Елена Дорош. —
Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-164814-5

Звонок сестры нарушил привычный ход жизни Лиги Белкиной. Инта живет в Латвии, от нее ушел муж, и она просит сестру приехать. Лига надеется, что ее отсутствие будет недолгим, но в Межотне с ней начинают происходить странные и пугающие вещи. По Межотненскому дворцу, в который пришлось устроиться на работу, бродит привидение почтенной старой дамы, сестру попытались отравить, да и ее саму чуть не убили. Люди, живущие в поселке, то ли что-то скрывают, то ли вообще не те, за кого себя выдают. Тут еще неожиданные чувства нахлынули, и вовсе не к оставленному в Питере мужу...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-164814-5

© Дорош Е., 2022

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ПЕРЕД ДОРОГОЙ

— Ты сегодня странная какая-то. Что-то случилось, малыш?

Она не стала просить не называть ее «малыш», не было сил сопротивляться.

— У сестры проблемы, Антош. Наверное, придется поехать в Межотне.

— Какие проблемы? У нее же всегда все нормально было?

У сестры уже давно все было как раз не нормально. Лига иногда рассказывала о проблемах в семье Инты, и Антон не мог этого не помнить. Почему же именно сегодня, когда ей так нужно с ним поделиться, он решил сделать вид, что ни сном ни духом?

— Межотне... Межотне... Они же в Риге жили?

Лига промолчала. Про переезд в Межотне она тоже говорила, и не так давно.

— А... вот она где!

Антон вынырнул из-под стола с папкой в руке.

— Застряла. Я думал уже, что забыл на кафедре. Представляешь, если бы не нашлась? Пришлось бы заново все собирать.

Он мельком посмотрел на Лигу:

— Ну и что тебе там делать?

Лига открыла рот, но Антон вдруг вытаращил глаза:

— Межотне... Это же... Точно! Там была вотчина Бирона! Помнишь? Фаворита старушки Анны Иоанновны, императрицы Российской! Межотне... Мезоттен... Ну, конечно! Рундальское поместье Бирона!

Антон взъерошил волосы и стал похож на воробья.

— Черт! Я еще студентом истфака хотел побывать в тех местах! Но как раз начались всякие терки политические с Латвией, все и заглохло. Эрнст Иоганн Бирон — это же знаковая фигура! Потом поместье было кому-то подарено... Не помню точно... При Павле Первом, кажется... Да фиг с ним, с Павлом! Бироновщина — дивное времечко!

Лига вздохнула и поплелась на кухню.

— Ты так и не сказала, зачем и насколько туда едешь.

Антон пошел за ней и встал в дверях с почти обиженным видом. Как будто она собралась на экскурсию, а его с собой не пригласила. Лига нажала кнопку на чайнике. Тот сразу усердно загудел. Интересно, кофе еще остался? Хотя бы

растворимый. Она потрясла банку. Пусто. Ну почему Антон никогда не заходит в магазин по пути! Ведь знает, что она три дня безвылазно просидела дома, проверяя студенческие курсовые.

— Кстати, кофе вчера закончился. Я хотел купить и забыл. Все думал, зачем меня Крохин вызывает! Да еще не сразу, а в конце недели! У самого дома спохватился, но возвращаться уже далеко было. Ты не сердисься?

Лига пожала плечами. Разве она умеет сердиться? Антон подошел и чмокнул ее в шею.

— И вообще, надо поменьше пить кофе. Лучше завари чаю. Давно я чаю с медом не пил.

— Чай тоже закончился. Позавчера. И мед.

Тут она обнаружила пакетик с кофе — три в одном. Гадость страшная, но уже не важно. Кофе хотелось просто невыносимо!

Чайник выключился. Лига высыпала порошок в кружку и налила кипятку.

— Ммм...

Антон потянул носом и заглянул через плечо. Сейчас попросит поделиться и отольет себе три четверти. Обычно Лига не сопротивлялась, но не сегодня. Сегодня ей так тошно, что просто необходима хотя бы толика радости. Пусть и в виде пакетика кофе «три в одном».

Внутренне удивившись самой себе, Лига довольно ловко пронесла кружку мимо мужа и пошла в комнату, прихватив по пути горсть сухарей. С самого утра она не могла окончательно

решить, стоит ли ей ехать в Латвию, хотя была уверена, что она нужна Инте, как никогда. Конечно, уехать перед самой сессией — это свинство по отношению к коллегам. Потом полгода будут губы дуть. К тому же у Антона сейчас большая нагрузка. Ну как его одного оставить? Помрет от недоедания и обезвоживания. Он сам даже яичницу не пожарит.

Лига задумчиво отпила из кружки. Не такой уж плохой кофе, кстати!

— Я не понял, малыш, ты что, все решила без меня?

Антон встал в проеме двери и засунул руки в карманы штанов. Так он делал всегда, когда хотел продемонстрировать крайнюю степень возмущения попытками ограничить его свободу или манипулировать чувствами. В сочетании с растянутыми домашними трениками возмущение выглядело комично. Лига посмотрела на сразу ставшее обиженным лицо мужа. Она как раз ничего не решила и весь день мучилась, к тому же...

— Да. Я поеду.

Сказала она и удивилась, насколько уверенно это прозвучало.

Антон помолчал, покачиваясь с носков на пятки. Кулаки в карманах треников сжались.

— Так. Отлично. Раз тебе на все наплевать...

Ей не было на все наплевать, конечно же. Оставить Антона одного, да еще неизвестно на-

сколько, и жалко, и стыдно как-то. Жена обязана думать о муже и его благополучии, в этом она была уверена. К тому же ехать вообще не хочется — стоит признаться хотя бы самой себе. Ну что ее там ждет? Проблемы сестры она чужими не считала и была готова подставить плечо в любой момент. Но... То, что происходит сейчас в жизни Инты, слишком серьезно. Если помогать по-настоящему, то надо пожить с ней не две недели в качестве гостыи, а... Сколько? Сможет ли она позволить себе уехать надолго? Глупый вопрос, вообще-то: конечно, нет. Стоит ли тогда начинать? К тому же чем она может помочь женщине, которую бросил муж? Подставить жилетку для слез — это всегда пожалуйста. В этом Лига специалист. А что еще? На психоаналитика она не тянет, собственного опыта тоже с гулькин нос.

Сестра всегда считала ее мямлей. Друг Мишка называл инфузорией-туфелькой, а в минуту крайней злости — амебой аморфной. Честно говоря, Лига и сама думала о себе примерно так же. Вряд ли совет амёбы может помочь в такой ситуации. Развод — дело тонкое и энергозатратное. Здесь нужны недюжинная выдержка и стальные нервы. Хотя с чего она взяла, что Инта собралась разводиться? Такие, как ее сестра, сразу не сдаются. Наверняка сделает все, чтобы вернуть засранца Эдгарса в семью. Тогда тем более Лиге нечем помочь. Сама она в такой ситу-

ации не была и наверняка не будет. Не с Антошей. Он не такой. Но бросить Инту в сложный момент нельзя. Сколько ни злился, ни сопротивлялся, а ехать придется. Надо. Больше некому. Остались бы живы родители, можно было бы рассчитывать на них. Особенно на папу. Вот кто всегда находил нужное слово, верное решение, правильный жест. А что Лига? Мямля, она и в Африке — мямля. Пореветь вместе, покуситься, выпить по рюмочке горькой — и все.

Звонок сотового прервал унылые мысли.

— Белка, ты свинья! — торжественно заявили из трубки. — Куда ты, курица общипанная, ехать собралась?

Лига вздохнула. Сейчас начнется ураган страстей. Мишка Абрамсон по-другому не может. Вот дал же бог темперамент!

— Нет, ты скажи, овца бестолковая, как ты вообще додумалась свалить перед самой страдой? Кого я буду в комиссии пихать? Кого, скажи, коала носатая?

Мишка обожал зоологические обзывалки и страшно гордился их неисчерпаемым многообразием.

— Миш...

— Молчи! Не смей со мной говорить! Сдавай чертов билет и возвращайся на свой шесток, сверчок ты безголовый! Или ты мне, канарейка тощая, больше не друг!

— А враг?

— Хуже! Не друг и не враг! А так!

— А так?! Нет, Миш, этого я не вынесу!

В трубке довольно хрюкнули.

— Ну то-то же! Так что, в приказ тебя вставлять?

Лига с тоской поглядела в окно. Белые ночи в Питере только начинались. Впереди все самое лучшее. И пусть погулять по городу из-за сессии ей не удастся никогда, зато не страшно идти домой одной, даже если ушла из университета в десять вечера. Как не хочется уезжать...

— Нет, Миш, не вставлять. У меня в семье проблемы. Придется ехать в Латвию.

— Умер кто-то, что ли? — осведомился Мишка.

— Нет. Сестра... Короче, ее бросил муж. Она осталась с двумя детьми. Без работы и без денег.

— По судам затаскать мерзавца! Ободрать, как сидорову козу! Тьфу! Как липку! Сгноить в тюрьме! Добиться высшей меры! Расстрелять за первым углом без права переписки!

Лига прыснула. Вот кого надо посылать сестре на выручку! Мишка! Друг верный!

— Мишунь, ну прости ты меня, а? Я отработаю, честное пионерское! Вернусь и отработаю!

— А когда вернешься-то?

Хотелось бы знать!

— Постараюсь побыстрее! Буду изо всех сил стараться! — вдохновенно воскликнула Лига.

Мишка Абрамсон длинно вздохнул:

— Да уж... Свежо предание, а верится с трудом...

— Миш, я правда постараюсь. Ты только не сердись на меня. Мне и так тошно.

— Переживаешь, что твоя Тонечка без тебя похудеет?

Тонечкой ее мужа, Антона Белкина, называли еще со студенческих времен. Лига всегда расстраивалась, когда слышала это прозвище. Было в нем что-то уничижительное, а это несправедливо. Особенно теперь, когда Антон стал солидным человеком, преподавателем, защитил диссертацию.

— Миш, ну хватит. Антон все понимает и не возражает.

Хотелось бы верить.

— Ладно, Белка. Поезжай к сестренке. Прижми бедолагу к груди. А еще лучше сразу возьми козла за рога и верни в стойло! Хотя что я говорю! Где тебе! Ты же у нас нежная! Ажурная!

— Скажи еще — гламурная.

— До этого дело не дошло. Ты — девушка тонкая и хрупкая. А гламурные — они цепкие, наглые и циничные! В наше время чтобы гламурной быть, нужны нервы как канаты, пробивная сила и куча бабла!

Мишка говорил весело, но Лига почувствовала в его голосе неподдельную злость.

С Абрамсоном они дружили с тринадцати лет. Занимались английским у одного репети-

тора. Толстый еврейский мальчик и тощая латышская девочка. Мишка уже тогда стрекотал на английском довольно бойко, но грамматика ему не давалась ни в какую. Лига, наоборот, никак не могла преодолеть барьер и начать общаться, хотя во всем остальном преуспевала. Писала, читала, но не говорила. Мишка сразу понял, в чем ее проблема, и как-то очень быстро сумел сделать то, что оказалось не по силам маститому репетитору.

Через пару-тройку месяцев они могли болтать по-английски: сначала всего несколько минут, а к концу школы — уже часами. К тому времени Мишкин вес как-то незаметно ушел в рост, зато поперли юношеские прыщи. Девчонкам он решительно не нравился, но переживал об этом не сильно. У него была Лига, и если не знать, что она всего лишь друг, со стороны они выглядели парой. Поправиться Лиге так и не удалось, мосластые коленки и торчащие ключицы удручали, да и ростом она не вышла, зато была умненькой и начитанной. С ней Мишке было интересно и спокойно. Ей с ним, кстати, тоже. После школы друзья решили вместе поступать в один из лучших питерских университетов на отделение романо-германской филологии. Мишка поступил легко, а Лига еле пролезла по баллам. Пока ждали зачисления, он, уже зная, что его возьмут в любом случае, искусал себе все ногти — так волновался. Потом Ли-

ге пришлось забинтовывать ему палец: Мишка сгрыз ноготь до крови. Лига даже заплакала от жалости и благодарности.

Они попали в одну группу и были страшно этому рады. Все-таки вдвоем веселей. И учиться, и работать. Получив дипломы, оба поступили в аспирантуру, одновременно защитились и остались преподавать на родном факультете.

Вопрос о том, чтобы начать встречаться, никогда, к счастью, не стоял. Мишке нравился совсем другой типаж: яркие, раскованные и как раз — гламурные. На двух таких он успел жениться еще в университете. Сразу после — еще на одной, как две капли воды похожей на предшественниц. С каждой прожил не больше года. Когда Лига спрашивала, почему он снова женится на той, с кем жить невозможно по определению, Мишка отвечал, что не может отказать себе в сладком.

Сахару в самом деле было много. Даже не сахару, а патоки. Паточные глазки, паточные губки и ужимки тоже паточные. Один общий приятель как-то признался, что через полчаса общения с Мишкиной женой хочется пойти и посмотреть на нормальное человеческое лицо. Абрамсон хохотал, но, набравшись сил после очередного развода, вновь отправлялся по проторенной дорожке. Его прыщи давно канули в Лету, он научился стильно одеваться, благо у родителей водились денежки, которых они не

жалели для единственного отпрыска, и в целом выглядел вполне импозантно.

Однако три последних года у Абрамсона никого не было. Неожиданно он увлекся карьерой, зашустрил, заактивничал и довольно быстро стал заведующим кафедрой. В тридцать лет! От важности он, кажется, даже вырос на пару сантиметров и намного остепенился. Так, во всяком случае, казалось Лиге. Она было подумала сгоряча, что Мишка наконец пересмотрит приоритеты и сменит предпочтения. Однако до этого, похоже, далеко.

Сама она вышла замуж только в двадцать восемь. Антон Белкин, аспирант с соседнего факультета, не раз попадался ей в столовой, но внимания на нее не обращал. Несколько раз они даже обедали за одним столиком, однако общения не получилось. Белкин, тыкая вилкой в тарелку, все время смотрел в телефон, а Лига просто проглатывала свой салат, выпивала чай и убегала на лекцию. У нее всегда была большая нагрузка, своя и чужая, если просили. А просили часто. Как-то очень быстро коллеги догадались, что патологическая доброта — основной диагноз молодой сотрудницы, и стали пользоваться этим без зазрения совести.

Честно говоря, после двадцати пяти Лига решила, что останется старой девой. Примеров в академической среде было более чем достаточно. Да и на горизонте не маячило ни одной ма-